

История философии, глава 31. Декарт.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

На этой неделе наше внимание будет сосредоточено на Рене Декарте, и я надеюсь, вы сразу поймете, что происходит в связи с этим пересечением традиций в современную эпоху. Мы рассмотрели Бэкона и Гоббса из развивающейся британской эмпирической традиции, охватывающей период примерно до 1700 года. Теперь мы рассмотрим Декарта, за которым последуют Спиноза и Лейбниц, что подведет нас к периоду примерно до 1700 года в рамках континентальной рационалистической традиции.

Итак, мы переходим к континентальной философии. И контраст, на протяжении всего пути, складывается примерно в следующее. Гоббс, как мы видели, совершенно очевидно является номиналистом, находящимся под сильным влиянием Вильгельма Оккама.

Никаких подлинных универсалий, единственные объяснительные принципы, необходимые для объяснения любого процесса в физическом мире, в человеческой природе или в обществе. Просто действенная причина, материальная причина. Никаких формальных или конечных причин.

Следовательно, его номинализм порождает чисто эмпирическую эпистемологию, в которой он пытается, в духе Бэкона, увидеть, как устроены однородные закономерности кажущейся причинно-следственной связи. В противоположность этому, мы обнаружим, что Декарт не номиналист, а концептуалист. И, конечно же, именно это делает возможным его рационализм.

А именно, речь идёт о том виде рационализма, который утверждает, что мы обладаем неким интуитивным, в ином смысле, чем у Платона, врождённым знанием общих принципов, универсальных понятий. Таким образом, он способен получать свои логически универсальные послышки не в виде эмпирических обобщений, потому что он концептуалист. Мы действительно обладаем интуитивным знанием определённых универсальных принципов.

Итак, Декарт, рационалист, в своей теории познания, как и Гоббс, и Декарт, придерживаются репрезентативного подхода. Иными словами, сознание — и я говорю «сознание», а не «разум», говоря о Гоббсе, по очевидным причинам, — непосредственно осознает свои идеи, которые представляют для него внешние реальности. Таким образом, суть в том, что существует познавательная связь между нашими психическими состояниями и внешними реальностями, так что мы не имеем прямого осознания внешних реальностей.

Мы познаём их только благодаря этим представлениям в сознании, а именно, нашим идеям. Чувственным идеям, эмпирическим идеям для Гоббса, но, конечно, сюда же можно включить и интуитивные идеи для Декарта. Но в обоих случаях у них есть репрезентативная теория познания, хорошо, это станет очень, очень важным.

Мы видели это у Гоббса в контексте его различия между первичными и вторичными качествами, потому что, хотя первичные качества действительно являются качествами внешних вещей, они представлены в нашем сознании в ассоциации с вторичными качествами, понимаете. А эти вторичные качества — это чисто субъективные представления, не имеющие объективного аналога. Таким образом, эпистемология сводится к этому.

Говоря о методологии, я упомянул, что метод Гоббса заимствован у Галилео, это реконструктивный метод, попытка перестроить наше понимание в форме дедуктивной системы с эмпирическими предпосылками. Так что это, если хотите, просто педагогический или риторический способ структурирования для облегчения понимания и выявления последствий. Между этим и Декартом есть явное сходство, поскольку и Гоббс, и Декарт стремятся к тому, чтобы их философия приняла форму дедуктивной системы.

Однако Декарт следует не модели эмпирических предпосылок, ведущих к дедуктивной системе, а скорее модели самоочевидных истин или интуитивных предпосылок, как в математике. Таким образом, модель Декарта — это геометрическая система, где аксиомы сопровождаются дедуктивными доказательствами, приводящими к четким и достоверным выводам. И отчасти это объясняется его реакцией на скептицизм, который нависал над ним в тот день.

Ему нужна была полная уверенность, либо интуитивная, либо логическая. Таким образом, интуитивно достоверные предпосылки и логически достоверные выводы. Благодаря математическому методу.

Мы подробнее рассмотрим это позже, когда углубимся в тему. В развитии своих философских убеждений Гоббс предстает как убежденный материалист. Материя и движение, кажется, объясняют всё.

Декарт, с другой стороны, является дуалистом. Он стремится разграничить разум и материю и утверждает, что разум или душа являются нематериальными сущностями, так что человек представляет собой сочетание двух разных типов вещей. Физически протяженная сущность, материя, и мыслящая сущность, разум или душа, являются дуалистическими.

Понятно? Гоббс был детерминистом. Да, всё, включая наши мысли и решения, обусловлено причинно-следственной связью. То, что мы считаем свободным решением, — это просто наша двойственность между двумя противоречащими друг другу побуждениями, мотивами, понимаете.

И выбор сводится к тому, чтобы оказаться на одной стороне этого колебания. С другой стороны, Декарт, чья душа и разум имеют отдельный статус от тела, может утверждать, что разум независим от этих причинно-следственных механизмов. Таким образом, Декарт утверждает свободу воли, свободу нашего выбора.

Он скорее либертарианец, чем детерминист. Гоббса характеризует психологический эгоизм. Иными словами, наше стремление к выживанию, самосохранению, является всепоглощающей страстью, и именно этот эгоизм движет нами во всем, что мы делаем.

В результате, когда речь заходит об этике, его обращение к здравому смыслу, к которому апеллировал Оккам, — это обращение к здравому смыслу в терминах благоразумия и последствий. И то, что он называет естественным законом, безусловно, не является естественным законом, метафизически обоснованным в природе реальности. Это просто естественный закон, к которому люди будут стремиться из желания самосохранения.

А именно: заключайте мир, если хотите выжить. Заключайте мир. Первое правило благоразумия.

Именно это он называет естественным правом. Общий этический подход Гоббса пронизан сильным гедонизмом. Это, по сути, эпикурейская этика, если обратиться к эллинистической эпохе.

Как мы увидим, Декарт ближе к стоической этике. Он не пишет систематически об этике, но у него есть книга о страстях, эмоциях и чувствах. И его точка зрения заключается в том, что наши страсти, эмоции и желания сами по себе хороши, но они могут привести нас к беде.

Иными словами, у него более позитивное представление о человеческой природе, чем у Гоббса. Страстям нужно лишь немного рационального руководства. Таким образом, речь идёт о господстве разума над страстями, и добро естественным образом следует за этим.

Таким образом, это скорее стоическая этика. Гоббс стремился к эрастианскому взгляду на взаимоотношения церкви и государства. Иными словами, в вопросах, где существуют религиозные разногласия и споры, где вспыхивает сектантство и

конфликты, как во время английской гражданской войны, мы должны подчиняться решению государства в этом отношении.

Соответственно, государство обладает властью над тем, какое учение будет проповедано в церкви. Что касается основ христианской веры, то здесь существует согласие.

Существование Бога, Божественная Троица и прощение через Христа. Но помимо этих основных положений, чтобы избежать религиозных конфликтов, столь распространенных на континенте, а также в Британии, церковь была подчинена государству. Этот эрастианский взгляд был довольно распространен в Британии в те времена.

С другой стороны, Декарт, кажется, был довольно традиционным католиком в своих взглядах на церковь. И это приводит нас к девятому пункту, к тому, что Гоббс считает философски значимым в отношении Бога. Хотя он так и не сформулировал доказательство, он считает его, по крайней мере, убедительным, что Бог должен быть первой действенной причиной во всей цепочке причин и следствий, которая породила вещи в том виде, в каком мы их знаем сегодня.

Это, пожалуй, всё, что он готов сказать с философской точки зрения, учитывая его методологию и разворачивающиеся причинно-следственные механизмы. Это всё, что он готов сказать о Боге, хотя, будучи практикующим членом широкой англиканской церкви, он, очевидно, верил в большее, но на основании авторитета церкви и государства. И он подробно рассуждает о библейском откровении.

С другой стороны, Декарт хочет сказать больше. Декарт, напомним, — концептуалист, а не реалист в отношении универсалий. Поэтому, с точки зрения того, что представляют собой задействованные объективные реальности, он может говорить о Боге только как об действенной причине, а не как о формальной причине, только как о действенной причине.

Но он хочет иметь, э-э, тот образ Бога, который он почерпнул из средневековых трудов. Он получил образование в иезуитской школе в Ла-Флеше; поэтому он был хорошо знаком со средневековой мыслью. Фома Аквинский, Дунс Скот и так далее.

Таким образом, Бог является не только действенной причиной, но и благом. И вы не увидите, чтобы Гоббс философски рассуждал о благодати Бога. Вы увидите, как Декарт рассуждает о благодати Бога.

И, э-э, причину я упомяну чуть позже, но позвольте мне сделать паузу и посмотреть, освежит ли вам этот обзор Гоббса память. Понятно? Хотите что-нибудь уточнить, повторить? Да, Кристен. Хорошо.

По мере того, как учёный собирает данные наблюдений, огромный объём информации, не обязательно скоординированной, интерпретируемой с точки зрения теории и выводов, становится доступен огромный объём информации. Как же её организовать, понимаете? По сути, происходит следующее: наблюдения, эксперименты и анализ учёного разрушают, э-э, мир нашего обыденного опыта. Например, дерево, на котором падает яблоко, которое ударит Исаака Ньютона по голове.

Э-э, видите ли, мы всё это проанализировали. Однако вам нужно систематическое теоретическое понимание. Итак, разложив всё на отдельные составляющие, вы пытаетесь восстановить это понимание.

И вы переформулируете это в виде предпосылок, за которыми следуют, э-э, логические выводы, ведущие к дальнейшим заключениям. По сути, вы располагаете все свои наблюдения в виде предпосылок или дальнейших умозаключений, чтобы показать логическую взаимосвязь. Хорошо, а затем делаете дальнейшие выводы.

Э-э, реконструктивный метод. В XIX веке произойдут незначительные изменения, хотя он всё ещё сохранится. Потому что в гипотетико-дедуктивном методе, то есть в посылках для дедуктивной реконструкции, посылками являются гипотезы.

В то время как для Гоббса посылки представляют собой эмпирические обобщения. Вы видите эту разницу? Таким образом, в науке существует три способа формулирования теоретического понимания. Либо эмпирические посылки, а затем дедуктивный вывод, либо интуитивные посылки, такие как математические аксиомы, а затем дедуктивный вывод, либо, начиная с XIX века, гипотеза.

А то, что вы выводите из гипотез, — это то, что вы обнаружили эмпирически. Вы показываете, что все это вытекает из некоего так называемого общего закона, охватывающего все аспекты. Широкое эмпирическое обобщение, частными примерами которого являются ваши эмпирические данные.

Хорошо, мы поговорим об этом, когда начнём изучать Джона Стюарта Милля в следующем семестре. Дэвид? Да, да, Бэкон, похоже, не склонен к дедуктивному методу. Почти в любой комментарии или историческом труде, посвящённом Бэкону, вы найдёте упоминание о его склонности, его потребности в математических методах — это один из его недостатков.

Использование гипотез — одно из отличий методов Бэкона от более поздних индуктивных методов, понимаете. Теперь, как я говорил Кристен в XIX веке, использование гипотез становится более актуальным. Но математические методы, нет, в некотором смысле, уже применяются у Декарта.

Да. Хорошо. Что-нибудь еще, касающееся Гоббса? Тогда позвольте мне добавить еще одно замечание по поводу девятого пункта, касающегося Бога.

Мы говорили о распаде средневековой науки, уходящей корнями в греческую, пифагорейскую, платоновскую или аристотелевскую науку, в зависимости от контекста. И о распаде этой науки, в значительной степени обусловленном подъемом номинализма, развитием чисто эмпирических методов, поскольку нет других форм, которые можно было бы исследовать иным способом, кроме эмпирических. Однако высказывалось мнение, что существовали и другие причины перехода к эмпирическим методам, помимо простого подъема номинализма.

Другие причины. Так вот, британский философ Майкл Фостер, член парламента, в серии статей 1930-х годов, давным-давно, в журнале *Mind*, очень известной серии статей, развил этот тезис, что расцвет эмпирической науки обусловлен тем фактом, что к позднему Средневековью было признано, что если мы серьезно отнесемся к доктрине творения, то из этого следует, что природа физического творения полностью случайна. Это не обязательно так.

Необязательно, чтобы всё было именно так. Иными словами, если нет необходимого сотворения, если нет фиксированных форм, обуславливающих существование вещей, то мы имеем дело со случайностью сотворенных вещей, как и говорил Уильям Оккам. Но если вы хотите понять, как устроены вещи в природе, вам нужно просто посмотреть и изучить их с помощью эмпирических методов.

Однако что же гарантирует нам доступность и понятность природных процессов, а также надежность наших эмпирических методов? И здесь снова предлагается некое теологическое обоснование. Альфред Норт Уайтхед, которого мы будем изучать в последней трети второго семестра. Альфред Норт Уайтхед, математик, физик и философ XX века.

В одном месте он утверждает, что именно уверенность в рациональности Бога породила уверенность в постижимости Божьего творения. Видите ли, совершенно независимо от теории форм, которая, предположительно, являлась способом, с помощью которого Бог придавал творению постижимый порядок, но совершенно независимо от этого, обеспечивала рациональному Богу постижимость творения. Но вопрос по-прежнему возникает не в отношении

объективных условий, которые делают природу постижимой, а в отношении субъективных условий, которые делают человеческую рациональность надежной и которые делают человеческие чувства убедительными.

Видите ? Тот, кто пытался доказать надежность человеческого разума и чувств, — это Декарт. Если ваше знакомство с Декартом на вводном курсе начиналось с его скептицизма, то да, это все тот же Декарт. Он начинает с того же методологического подхода, что и скептик.

Он скептически относится к разуму, скептически относится к чувствам. Но вы обнаружите, что к четвертому размышлению он утверждает, что разум заслуживает доверия, потому что добрый Бог не стал бы обманывать нас, наделяя нас ошибочными интеллектуальными способностями. Таким образом, все основано на доброте Бога.

И когда, наконец, в шестой медитации, в конце своих размышлений, он доходит до разговора о чувственном опыте, он снова выдвигает тот же самый аргумент: в конечном счете, наши чувства надежны, если мы используем их правильно, потому что добрый Бог не стал бы обманывать нас, наделяя нас ненадежными чувствами. Таким образом, суть в том, что Декарт способен выйти за рамки простого утверждения, что Бог является действенной причиной.

Благодаря Божьей благодати он способен заходить дальше и рассуждать о надежности человеческого разума и чувств, и, соответственно, он гораздо более оптимистичен в отношении развития науки и философии, чем скептики могли когда-либо быть, и, безусловно, более уверен в рациональных возможностях, чем Томас Гоббс. Комментарий? Вопрос? Было много споров и дискуссий о влиянии средневековой мысли на заложение основ для возникновения современной науки. Подобные вопросы подробно обсуждаются в истории науки.

Один из наших выпускников, Дэвид Линдберг, преподает историю науки в Университете Висконсина в Мэдисоне. И Линдберг с опаской относится к этим, э-э, простым оправданиям. Он подчеркивает, что, в В подлинных средневековых текстах он не находит подобного выражения уверенности.

Итак, это есть, это часть ответа. И еще один момент: это этика уверенности в божественно сотворенном мире, которая лежит в основе как теории форм, так и неизменной уверенности таких людей, как Оккам и Бэкон, в эмпирической доступности природы для человеческого понимания. Так что, если говорить осторожно, мне кажется, здесь есть веская основа.

Дэвид? Это возникло из-за уверенности? Тезис Декарта — это не исторический тезис. Он не говорит, что уверенность в науке возникла из-за чего-то другого. Нет, это тезис таких людей, как Уайтхед и, э-э, Майкл Фостер.

Тезис Декарта заключается в том, что это логический тезис, а не исторический. Логически, поскольку Бог добр, хорошо, предпосылка, поскольку Бог добр, и он предлагает доказательство этому в предыдущем размышлении, понимаете. Но если Бог добр, то и то, что делает Бог, — это добро.

Таким образом, способности, дарованные нам Богом, являются надежными, иначе Бог обманывал бы нас, а это было бы плохо, понимаете. Добрый Бог не обманывает, не наделяет нас обманчивыми способностями. Поэтому это логическое обоснование, а не исторический аргумент.

Хорошо. Ладно, тогда я готов перейти к самому Декарту. Как вам? Хорошо.

В антологии представлены «Размышления», вероятно, его самое влиятельное произведение. В самом деле, если вы прочитаете вступительные комментарии редактора, вступительные комментарии Кауфмана, прежде чем приступить к «Размышлениям», вы увидите, что именно это произведение стало отправной точкой для философии Бенедикта Спинозы, французского философа Мальбранша и Лейбница. Чрезвычайно влиятельная точка отсчета.

Более того, по сей день Декарт, вероятно, является самым уважаемым французским философом до XX века, а в XX веке он по-прежнему остается самым почитаемым французским философом. Кажется, характерно, что когда люди впервые читают лекции в Сорбонне, все они отдают дань уважения Рене Декарту. Он — поистине выдающаяся фигура.

Но, читая эти размышления, вы, возможно, почти сразу поймете, что, несмотря на все контрасты между Гоббсом и, в конце концов, между Бэконом и Декартом, существует сильное сходство. Дело в том, что Бэкон начинает свое рассуждение о том, как мы познаем мир, с ниспровержения всех идолов. Помните? Идолы пещеры, идолы рынка, идолы чего-либо еще и так далее.

Иными словами, ошибочные предположения и ошибочные методы. Он не доверяет ни философским, ни научным методам прошлого, ни философским убеждениям прошлого. Все они подвержены сомнению.

Это Бэкон, но Декарт в этом отношении практически идентичен, потому что первое размышление в «Размышлениях» Декарта — это, по сути, просто попытка изложить тезис, я сомневаюсь, и привести основания для сомнения. В историческом контексте их действия должны быть уже довольно очевидны. Помните, что мы говорили об эпистемологическом вакууме, созданном крахом

схоластической методологии? Помните снова о подъеме скептицизма? И, следовательно, и Бэкон, и Гоббс уделяют серьезное внимание скептическому подчинению существующим методам познания и существующим убеждениям.

Внимательное отношение. И, так сказать, отождествление себя со скептической позицией. И, разработав новый метод, выход из скептицизма в новую эру философских исследований.

Таким образом, в некотором смысле оба они признают точку зрения скептиков относительно науки и философии на сегодняшний день, понимаете? Но сказать, что наука и философия на сегодняшний день вызывают сомнения, не означает, что наука и философия в будущем всегда будут вызывать сомнения, если мы сможем найти правильный метод. И именно это они и пытаются сделать. Бэкон разработал гораздо более тщательный эмпирический метод, чем тот, который использовался ранее.

Декарт разработал своего рода анализ и логический метод, который, по его мнению, применялся в математике, хотя, судя по всему, скептики в его время не были к нему скептиками. А вот Секст Эмпирик, римский скептик, написал работу, направленную против математиков. Декарт никогда не ставил под сомнение природу математического мышления.

Что ж, никогда не подвергайте это сомнению. Да, он это делает, но именно математические рассуждения вызвали наименьшее количество сомнений и наибольшее согласие, просто из-за природы математического доказательства. Другими словами, если вы можете разбить предмет исследования на последовательность отдельных суждений, утверждений и организовать их в логическом порядке, начиная с того, что интуитивно, аксиоматически самоочевидно, и продолжая путем дедуктивного вывода, то, видите ли, именно это и делает математика.

Тогда вы можете получить действительно неопровержимые знания. На этом уровне нового метода главное отличие, главное отличие нового метода Бэкона от нового метода Декарта заключается в следующем: в эмпирическом направлении, где посылки являются эмпирическими обобщениями, вы получаете доказательства, возможно, вероятность, но не уверенность. Но в традиции Декарта, если посылки самоочевидны и интуитивно понятны, вы получаете полную уверенность, как он говорит, вне всякого сомнения.

Несомненность, неоспоримость, то есть невозможность сомневаться, являются первыми неоспоримыми предпосылками. В результате, если этим методом вы пытаетесь обосновать определенные выводы, пытаетесь обосновать веру в истинность определенных выводов, то максимум, что у вас будет на эмпирической основе, — это вероятность. Таким образом, подход к

обоснованию убеждений, который в современной эпистемологии известен как эвиденциализм (и мы подробнее рассмотрим это у Джона Локка на первой неделе занятий в январе), — это эвиденциализм Джона Локка. Джон Локк, по сути, говорит, что вы должны соизмерять свою веру с имеющимися доказательствами.

С другой стороны, Декарт, со своей несомненной уверенностью, заложил основу для подхода к обоснованию убеждений, который сегодня называется фундаментализмом. Жесткий фундаменталист, или иногда сильный фундаменталист, пытается утверждать, что да, у нас есть несомненно первопринципы и, следовательно, несомненно достоверные выводы, а слабый или мягкий фундаменталист, скорее всего, смягчит это, если посылки будут немного мягче, чем достоверны, логически или интуитивно достоверны, понятно? Поэтому сегодня в эпистемологии много говорят об этом, и если вы общаетесь с Джемом Вудом или посещаете его занятия, вы будете слышать это постоянно, потому что это его особый интерес: разговоры об обосновании убеждений, фундаментализме и эвиденциализме, и именно здесь возникает разница. Она возникает в различии отправных точек для дедуктивной системы, будь то бэконовская индукция, так сказать, и эмпирические посылки, или математические аксиомы Декарта. Хорошо, достаточно понятно? И, кстати, то, что вы говорите об обосновании убеждений, в целом применимо и к таким областям, как апологетика, потому что христианская апологетика — это просто попытка обосновать веру в определенные христианские убеждения, понимаете, поэтому используются те же стратегии.

На самом деле, историю христианской апологетики можно проследить, прослеживая историю эпистемологии, потому что апологетика — это всего лишь прикладная эпистемология, по крайней мере, когда она применяется в рефлексивном ключе к методу. Это просто прикладная эпистемология, понятно? Хорошо, значит, в «Размышлении I» развивается то, что мы обычно называем методологическим скептицизмом, и при его прочтении обратите внимание на несколько причин, которые Декарт приводит для такого рода скептицизма, который он принимает из-за своего метода. Обратите внимание на относительность чувственного восприятия.

Относительность чувственного восприятия — ничего нового, мы говорили об этом еще со времен досократиков. Платон тоже об этом говорил. Эмпирист признает относительность чувственного восприятия, понимаете, относительно условий наблюдения, относительно наблюдателя, относительно времени и места и так далее.

Во-вторых, он выдвигает гипотезу, что, возможно, Бог нас обманывает, или, если Бог не обманывает, то, возможно, какой-то злой дух, какой-то злой демон обманывает нас, так что то, что мы считаем правдой, то, что мы видим, на

самом деле таковым не является. Возможно ли это? По крайней мере, это гипотетическая возможность. Насколько реалистична эта возможность — это другой вопрос, но если вы хотите чего-то, не вызывающего никаких сомнений, вам придется отбросить даже самые гипотетические возможности, если вы стремитесь к такой уверенности.

Так что будьте внимательны. Он ни в коем случае не удовлетворится вероятностями; имейте это в виду. Затем он устанавливает определенные правила для того, что ему нужно, и не в своих размышлениях, а в одном из других своих произведений, называемом «Рассуждение о методе», первые четыре правила, которые он излагает, таковы: мы будем принимать за интуитивное только то, что настолько ясно и отчетливо, что не вызывает никаких сомнений.

Мы будем принимать за интуитивно очевидные, интуитивно истинные только то, что настолько ясно и отчетливо, что не вызывает никаких сомнений. Фраза «ясные и отчетливые идеи» — отличительная черта всех трудов Декарта .
Насколько ясные , что не допускают никакой путаницы или неясности.

Насколько чётко, что вы точно не путаете два связанных понятия, понятно? Ясность и чёткость. Теперь, чтобы достичь ясности и чёткости, он считает, что мы должны проанализировать любое убеждение на составляющие части. То есть разложить совокупность знаний на составляющие её элементы.

Это второе правило. Третье, реорганизуйте их, снова запустите этот реконструктивный подход. Реорганизуйте их в форме логического доказательства.

Перегруппируйте их в виде логического доказательства. И затем, пункт номер четыре, тот же, что вам говорил ваш школьный учитель геометрии, проверьте и перепроверьте каждое доказательство и каждый шаг в каждом доказательстве. Вот какие правила он предлагает.

И, как я уже говорил, суть в первом пункте — ясность и чёткость. Однако, одна из вещей, которая сбивает с толку, заключается в том, что он склонен использовать множество синонимов для обозначения интуитивного знания. Он говорит о ясности и чёткости.

Это лишь часть проблемы. Он использует термины «интуиция» и «интуитивный». А под интуицией подразумевается непосредственное осознание.

Непосредственное осознание чего-либо таким, какое оно есть на самом деле. Однако будьте осторожны, он не говорит, что у нас есть интуитивное знание о

материальных объектах. Он не говорит, что у нас есть интуитивное знание о существовании Бога.

Теперь это вещи, которые нужно доказать. А вот о чём мы обладаем интуитивным знанием, так это о наших идеях. Мы непосредственно осознаём свои собственные идеи, понимаете?

И он стремится к непосредственному, ясному и отчетливому осознанию. То есть, интуитивному. Когда же появляется это интуитивное знание, уместно сказать, что эти идеи нам преподает природа.

Нас учит природа. Естественный свет разума. Естественный свет разума.

Интересная фраза. Очевидно, это платоническая метафора. Свет, который появляется, как только вы выходите из пещеры, или свет, который есть за пределами пещеры, — это естественный свет разума, но по своим корням он восходит к августинской традиции.

Однако то, что у Августина было светом божественного логоса, освещающим объект нашего познания и помогающим разуму его увидеть, у Декарта стало просто светом самого разума. У Декарта нет учения о логосе, потому что он не схоластик. У него нет теории форм, которая дала бы ему учение о логосе в том виде, в каком оно было разработано схоластиками, понимаете.

Так что свет логоса теперь стал просто светом человеческого разума. Понятно? Свет разума. Он проводит различие между объективной и формальной реальностью.

Иными словами, когда у нас есть ясная и четкая идея, интуитивно очевидная в естественном свете разума, то перед нашим разумом предстает идея, обладающая объективной реальностью. Видите ли, объектом, непосредственным объектом восприятия, является идея. Идея, а не внешняя реальность.

В репрезентативной теории познания то, что вы непосредственно осознаёте, — это ваши идеи. Поэтому он говорит об объективной реальности идеи как об отличной от формальной реальности внешнего объекта, который она представляет. Формальная реальность является причиной объективно реальной идеи.

Хорошо? И эти фразы, и это последнее различие, становятся довольно важными по мере того, как вы продолжаете читать его ход мыслей, и вы обнаруживаете, что они встречаются. Эта фраза, особенно последняя, оказывает очень сильное

влияние на его аргумент в пользу существования Бога в третьем размышлении. Так что обратите на это внимание, если хотите. Давайте посмотрим.

Ах да, еще одна фраза, которую он использует, не должна вас удивлять. Само собой разумеется. Определенные убеждения подкреплены собственными доказательствами.

И врождённое. Но будьте осторожны с этим. Платон говорил о врождённом знании, врождённых идеях, но в совершенно ином смысле врождённого, верно? Для Платона врождённая идея — это идея, которая существует в вашем сознании из предыдущего существования.

Это в буквальном смысле врождённое. Когда ты рождаешься, у тебя это есть. Нужно просто вспомнить об этом.

Но для Декарта понятие «врождённый» не имело ничего подобного. Врождённый просто означает, что это присуще нам от природы. Это естественное явление, естественного происхождения.

Это имеет естественное происхождение. Это не какая-то выдумка, а спонтанная, естественная идея, которая просто возникает в уме. Я говорил об идеях, но ни одна из идей, которые он имеет в виду в этом повествовании, не является эмпирической.

Ни один из них. Он говорит о том, что разум каким-то образом возникает внутри себя, проявляется в сознании, сам разум спонтанно начинает обдумывать эти идеи. В этом смысле они априорны.

Да, априорное значение означает предшествующее, независимое от всего опыта. И эта априорная идея обычно рассматривается как универсальная — она есть у каждого — и как необходимая. Здесь присутствует некая логическая необходимость.

Противоположность этому подразумевала бы, прямо или косвенно, некое противоречие. И это понятие априори, которое зародилось у Декарта — да, оно имеет корни в некотором смысле и раньше, у Платона и так далее, — но в этой форме оно начинается у Декарта и распространяется по всей континентальной рационалистической традиции. Именно это, по сути, отличает рационализм от эмпиризма.

Эмпирист утверждает, что у нас нет априорного знания. Рационалист утверждает, что оно есть. Априорное знание.

В этом смысле, когда Джефферсон заявил: «Мы считаем эти истины самоочевидными», — это форма априорного знания. Джефферсон, похоже, находился под большим влиянием стоиков, чем какой-либо другой философской традиции, и поэтому, возможно, он имел в виду, по крайней мере, людей из римской юриспруденции и так далее, Ларка и других, людей этой традиции. Таким образом, когда Джефферсон это сказал, он, вероятно, использовал это выражение в том смысле, что когда такие идеи нам представляют, они сразу же становятся неотразимыми, естественным образом, спонтанно, когда мы начинаем их понимать.

Вы помните стоический взгляд на непреодолимые истины. Мы считаем эти истины самоочевидными, самодостаточными. Это всё ещё своего рода априорное знание, хотя Декарт хочет пойти дальше, и, кажется, он не рассматривает разум как просто распознающий что-то в момент высказывания, а как спонтанно генерирующий идеи.

Они спонтанно возникают в уме, например, что для него решающим аргументом будет идея Бога, не так ли? Идея Бога, да. Хорошо, теперь вот это, то, что иногда называют интуитивным критерием, интуитивным критерием истины, применяется не только к предпосылкам, но и к дальнейшим выводам, которые вы делаете из этих предпосылок, так что один из способов, которым идея приходит в голову, — это когда она выходит за рамки ваших предпосылок, когда вы делаете вывод. Она бросается вам в глаза.

Три плюс пять равно, это сразу бросается в глаза, понимаете? О, боже, смертный Сократ — это человек, следовательно, и заключение логического силлогизма сразу бросается в глаза, становится интуитивно очевидным, понимаете. Поэтому он хочет, чтобы выводы в свете посылок были как можно более ясными и отчетливыми.

Таким образом, его метод основан на интуиции и дедукции. Интуиция и дедукция. Хорошо, именно в свете таких требований он изначально настроен скептически, потому что, когда он пробует эти правила на практике, они, как ни странно, не дают ему никакой пользы.

Что ж, эта отправная точка Декарта подвергалась сильной критике, очень сильной. Когда мы дойдем до американского прагматизма, мы увидим, как один из основоположников прагматической традиции, Чарльз Сандерс Пирс, говорит о сомнении как о чем-то совершенно нереальном. Декарт же вообще не сомневается в этих вещах.

Нет, это методологический приём, понимаете. Но в чём тогда смысл методологического приёма? Почему бы просто не верить в то, во что веришь, если это выдерживает критику? Разница между этим и началом всего с нуля, что

они и делают в эпоху скептицизма и других подходов, заключается в том, что Декарт рассказывает историю о том, как он заперся в отапливаемой печью комнате зимой.

Судя по всему, он путешествовал по Нидерландам, или, по крайней мере, по Нидерландам, и решил, что ему придётся буквально переждать непогоду. Поэтому в отапливаемой печью комнате он решил попытаться сформулировать весь спектр вещей, в которые он верил, используя эту своего рода интуитивную дедуктивную систему. Можете себе представить? Вот Декарт в своей отапливаемой печью комнате.

На улице холодно. Давайте подбросим дров в печь. Так, на чём мы остановились? Я что, труп у меня есть? Ах да, нам нужно ещё дров в печь.

Понимаете, в чём заключается скрытое противоречие? Другими словами, то, что он делает в теории, противоречит тому, что он делает на практике. Однако это его не беспокоило, потому что критерий, с которым он работал, не был прагматическим. У него были другие требования.

Практический опыт можно объяснить иным способом, как это, конечно, было позже с Джорджем Беркли, субъективным идеалистом. Но, как правило, реалист, который хочет доказать, что мы непосредственно осознаём реальность, полностью отвергает метод Декарта. Понимаете, если вы говорите, что мы непосредственно осознаём внешние реальности, а не что это осознаётся исключительно репрезентативно, то вам не нужны эти доказательства.

Тот факт, что тебе холодно, доказывает, что у тебя есть тело. Тебя когда-нибудь укачивало на море? Знаешь, я не могу представить себе человека, которого укачивает и которому еще предстоит неделя в море, даже если бы он вообразил, что у него нет тела. Знаешь, это одна из ужасных вещей.

Такое ощущение, будто половина твоего тела уже ушла за границу. Что ж, иногда он получает именно такую критику.